

Про Добрынюшку Микитиця

Срежаитце Добрынюшка во чистó полё,
Сподобляйтце Микитиц во роздольице.
Он своёй жоны да наказыва̄т,
Он Настасьи Микулишны наговарива̄т:
«Как пройде̄т тому времецко шесть годов поры́,
Хоть за князя пойдѣ, хоть за бѣяра,
Хоть за купца ты пойдѣ за торгового —
Не ходи за Алёшу за Поповиця!
Алёша силен-не силен — только напѹском смел!»
Миновалось тому времецко шесть лет поры́ —
И никто на Настасьи боле не сватаитце.
Приеждя̄т Олѣшенька Поповиць млад.
Она думала-подумала — замуж пошла
За того же за Олѣшу за Поповиця.
Оставляет Добрынину рѣдну ма́тушку
На кирпичней на жаркой на пеценьке —
Горюцими слезами уливаеця:
«Ищо кто же меня будет поить-кормить,
Ищо кто же будѣт обувать и одевать,
Ищо кто же будѣт теплом обогреть?..»
Взгленула в косеццо окошечко,
Взгленула она да во цистó поле:
Во цистѣм поли курева́ стоит,
(Сын с войны едет.)
Курева́-то стоит да ле дым столбом валѣт —
Пролетает-проеждяет дѣбрый мѣлодец
И по тем же по Добрыниным жолты́м сукно́м.
Приеждяет Добрыня к дому своему
И ставит кѣня да к дубѣву столбу́,
Он и вяжет коня к золоту́ кольцу.
И по сеням бежит да ле скоро-на́скоро,
Он в избушку заскочил да ле круто-на́круто́.
И он крест-от кладѣт да ле по-писа́ному,
Он поклон ведѣт да ле по-уцѣ́ному,
Он молитву творит прав' Исусову.

«Уж ты здраствуёшь, Добрынина родна маменька!» —
«Уж ты здраствуёшь, удалой доброй молодец!
Не видал ле ты у меня сердечного дитетка?»
И схватил он платье боғатырскоё,
Смахнул он рубашку тонку полотнену
И при́знял руку́ правую.
А под правой под пазухой-то — бородавоцька,
А на этой бородавоцьке — три золотых волоска.
«Уж ты здраствуй, сердечно моё дитятко!» —
«Уж ты здраствуй, родима моя маменька!» —
«А уж нет у тебя другой семьи,
А другой-то семьи, молодой жоны!» —
«Ты пойд-ко сходи-ко во кованый сундук,
Принеси-ко ле мне да золотой казны,
Мне не много, не мало — да петьдесят рублей!
Да ещо принеси мне да звонки гусельцы,
Да ищо мне принеси злачон перстенъ —
Да которым перснем я обручалась!
Да ищо мне принеси платье калицкое!»
(Каликой хочет наредиться.)
И сходила ёму матушка круто-накруто,
И средилса ле он скоро-наскоро,
*(Она, вишь, ему сказала: «Поедешь — она у венця не стоит,
а приедешь — она за столом сидит».)*
И средилса, поехал скоро-наскоро:
Взгленула в окошечко — не видно нигде.
Приеждяет к Олешину широку двору,
Он и вяжет коня к дубову столбу.
У ворот-то стоят да приворотники,
У дверей-то стоят да все придверники,
Середі двора́ стоят да ле крепки сторожа́.
Он идёт и даёт им по пети рублей:
Приворотникам, придверникам,
Середі двора́ крепким сторожам —
И во гриню заскочил круто-накруто.
Он и крест он кладёт по-писаному
Он поклон ведёт по-уцёному.
«Уж ты здраствуй, Олешенька Поповиц блад!» —
«Уж ты здраствуй-ко, калика да перехожая!» —

«Уж ты здравствуй-ко, Настасья Микулишна!» —
«Уж ты здравствуй-ко, калика перехожая!
Ище все-то места у нас приза́неты —
И одно место есь на пецно́м столбе».
Заскоцил тут Добрынюшка кру́то-на́круто:
«Ты позволь-ко, Олёшенька, во гусли сыгра́ть!» —
«Играй, играй, кали́ка, сколько хошь игра́й!»
Во первы́-то заиграл — Настасьюшка подумала,
В' вторы́-то заиграл — слéзно заплакала
(Вот ему и велит, Олёше):
«Ты налей-ко цару да зеленá вина́:
Не малу, не велику — полтора́ ведра!»
Наливаёт Олёшенка цяру зеленá вина́,
Подавает калике да перехожоей
(Настасья подавает.)
Принимает он цяру к едному́ духу́,
Да спускаёт он в цяру злацён перстень.
Вынимает она перстень тут из цяры-то,
Наложила она перстень да на пра́ву руку́;
Она пра́вой ногой на стол стала,
А левой ногой — из застолья вон.
Они Богу помолились да вон пошли.
И подразнил он Олёшеньку Поповиця:
«Ты здорово женился: тебе не с кем спать!»
(Всё боле: он увёз ее.)

*(Зап. А. М. Астаховой 10 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на
— от Лыбашевой Прасковьи Степановны, 77 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.